

ВЕТЛАЯ

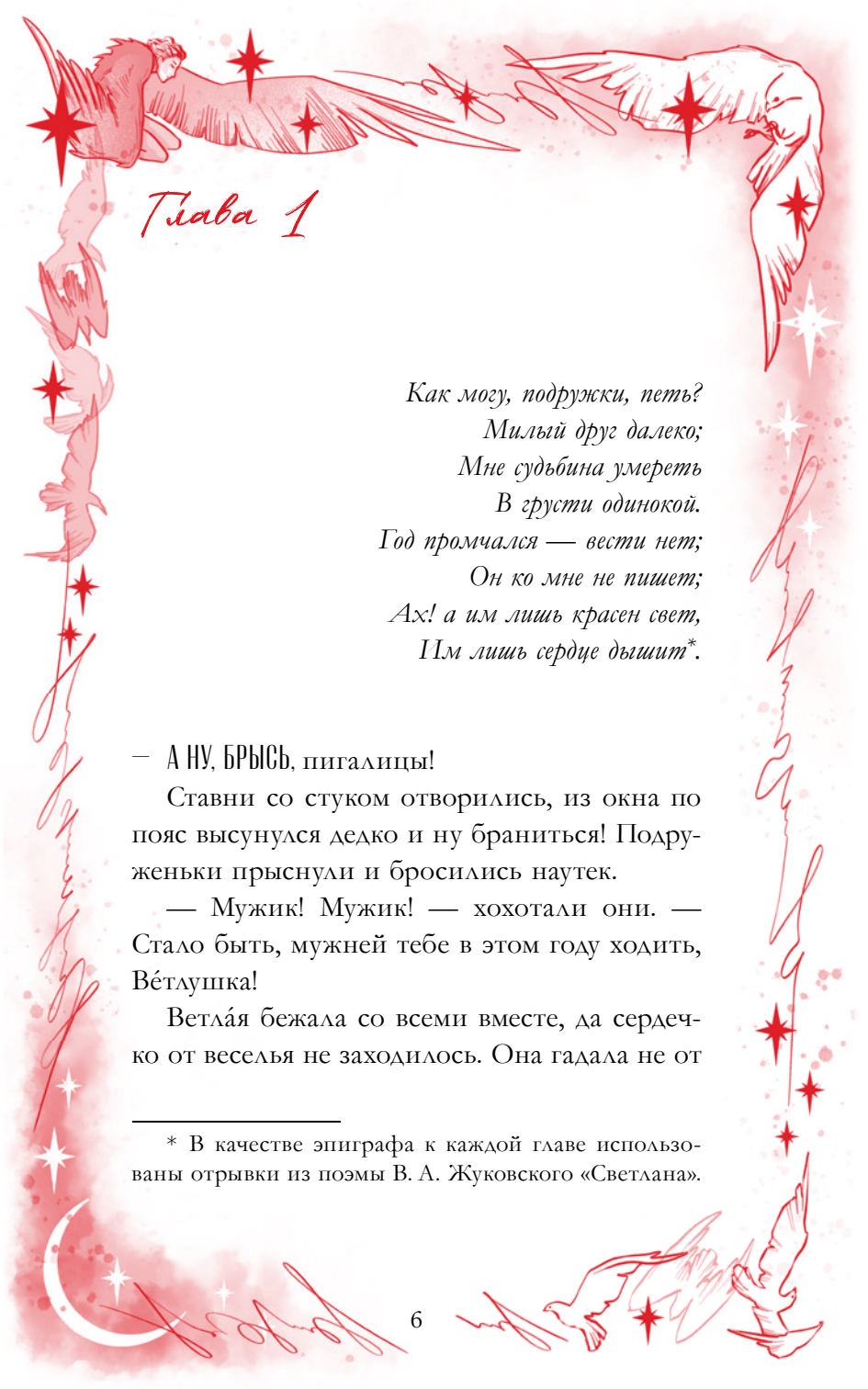
Даха Тараторина

Даха
Параторина

ВЕТЛАЯ

Глава 1

*Как могу, подружки, петь?
Милый друг далеко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит*.*

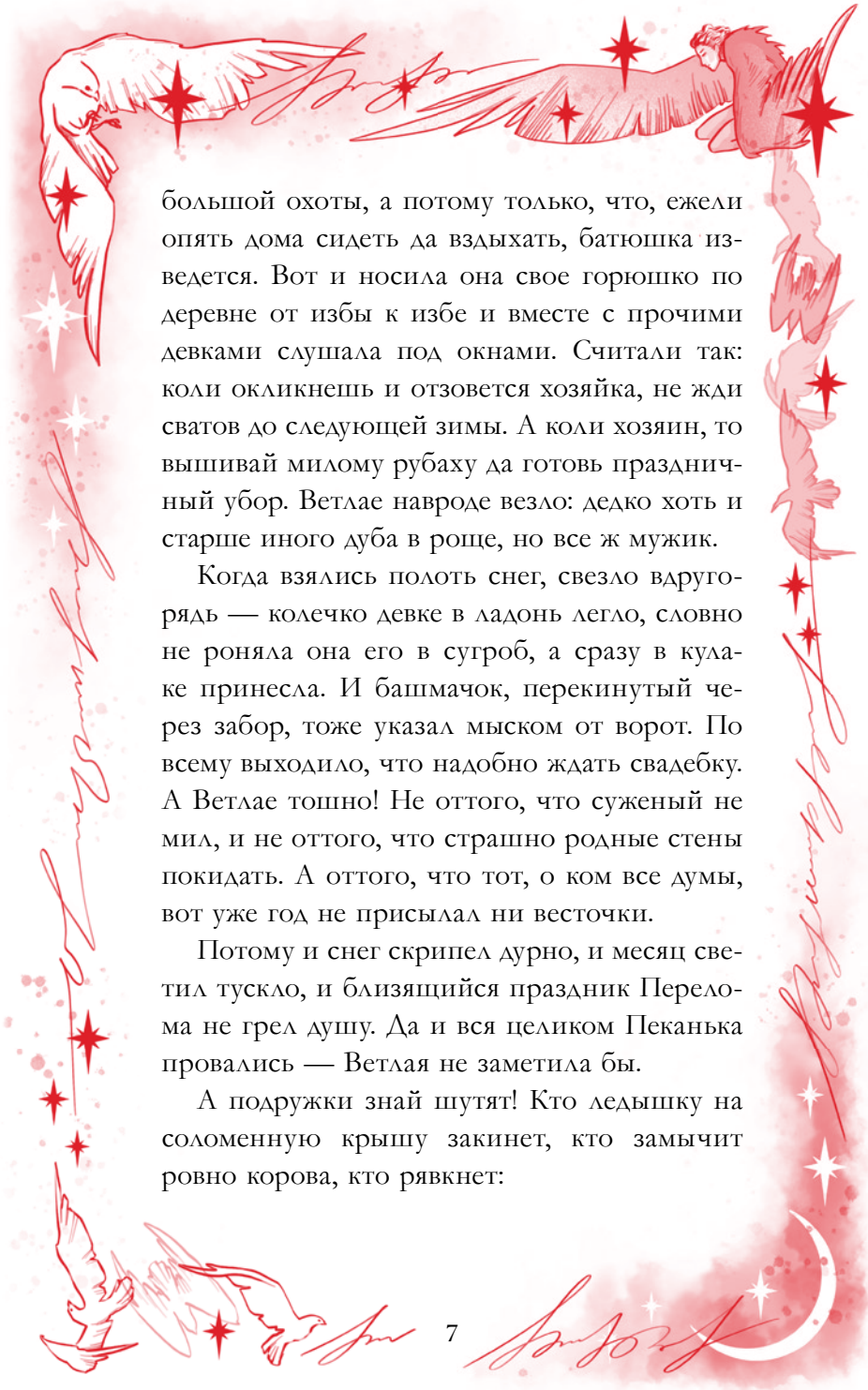
— А НУ, БРЫСЬ, пигалицы!

Ставни со стуком отворились, из окна по пояс высунулся дедко и ну браниться! Подруженьки прыснули и бросились наутек.

— Мужик! Мужик! — хохотали они. — Стало быть, мужней тебе в этом году ходить, Вётлушка!

Ветла́я бежала со всеми вместе, да сердечко от веселья не заходило. Она гадала не от

* В качестве эпиграфа к каждой главе использованы отрывки из поэмы В. А. Жуковского «Светлана».

большой охоты, а потому только, что, ежели опять дома сидеть да вздыхать, батюшка изведется. Вот и носила она свое горюшко по деревне от избы к избе и вместе с прочими девками слушала под окнами. Считали так: коли окликнешь и отзовется хозяйка, не жди сватов до следующей зимы. А коли хозяин, то вышивай милому рубаху да готовь праздничный убор. Ветлае навроде везло: дедко хоть и старше иного дуба в роще, но все ж мужик.

Когда взялись полоть снег, свезло вдругорядь — колечко девке в ладонь легло, словно не роняла она его в сугроб, а сразу в кулаке принесла. И башмачок, перекинутый через забор, тоже указал мыском от ворот. По всему выходило, что надобно ждать свадебку. А Ветлае тошно! Не оттого, что суженый не мил, и не оттого, что страшно родные стены покидать. А оттого, что тот, о ком все думы, вот уже год не присылал ни весточки.

Потому и снег скрипел дурно, и месяц светил тускло, и близящийся праздник Переломы не грел душу. Да и вся целиком Пеканька провалилась — Ветлая не заметила бы.

А подружки знай шутят! Кто ледышку на соломенную крышу закинет, кто замычит ровно корова, кто рывкнет:

— Отворяй, хозяин, двери, неси яства да монеты звонкие, не то водою крыльцо обольем — утром костей не сосчитаешь!

Иные в самом деле отворяли да выносили пироги с киселем. Что уж, и сами, было время, таскались по дворам в морозные ночи, прикинувшись силою нечистой, запугивали сосельчан. Иные, напротив, гасили лучины и сидели тихо-тихо, дескать, нет дома никого. Испокон веков так повелось: кто от тварей Безлюдных откупается, а кто прячется. Но во враках сказывают, что и третьи бывают. Те, кто не робеет перед нечистиками и добром не делится, а выступает супротив да грудью защищает то, что дорого. Но таковые, верно, только во враках и остались.

С вечера по деревне ходили отдельно: девки с одной стороны, парни с другой. А к полуночи встречались на серединке, занимали избу, приготовленную намедни, да глядели, кто чего добыл. Вот тогда-то начинался пир! Пение да пляски, брага да травяной взвар, печево да колбасы — праздник! А всего лучше, что помиловать можно без родительского надзора. Ветле только миловать не с кем... Оно всякий бы рад красавицу приголубить: хороша собою Ветла.

Коса смоляная, очи что озера, брови — два угольных росчерка, бедра высоки, щеки мягоньки. Ну и что с того, что гордячка? Кто б на ее месте нос кверху не тянул? Зато стан... Такого стана ищи — не найдешь! Не шла — плясала! И все плавно да текуче, хоть с ведром, хоть с корзиною на локте, хоть после жатвы. К тому ж была Ветла единственной любимой дочкой Должана, деревенского головы, стало быть, и приданого за ней обещали немало. Но с тех, пор как уехал торговать любый Скрад, девка с парнями словом перемолвиться гнушалась, не то что об руку ходить. Вот и нынче собиралась воротиться домой прежде, чем молодежь сподобится на засядки.

Однако ж всякая врака с чего-то да начинается, и эта началась с того, что проказливые деревенские парни не утерпели и поймали красавиц прежде, чем пришел срок. Да не просто поймали, а надев страшные личины, вывернув мехом наружу тулупы да бренча трещотками. Шумной толпой они выскочили на узкую тропку аккурат девкам навстречу:

— От мы вас поймаем да утащим в Безлюдье! Ать!

Девки в визг! Нишка ломанулась в сугроб, да так в нем и увязла, Лала развернулась да столкнулась с Ралкой, и обе завалились, Залушка упала навзничь. Ясно, и Ветла перепугалась. Побежали: кто направо, кто налево, кто и вовсе не разбирая дороги. А по глубокому снегу далеко ли убежишь? Снегу, надо сказать, в тот год навалило столько, что иной плетень потонул. И Ветла, пробираясь по целине, из сил выбилась. А уж вымокла от страха да усталости — страсть. Вот тебе и праздник! Лучше бы в самом деле сидела у печи да сердце бередила. Всяко спокойнее.

Едва оторвавшись от погони, девка принялась вытряхивать ворот и поршеньки*. А подняла очи — и обомлела. Так уж пошутили жестокие боги, что оказалась она аккурат в том месте, от которого держаться старалась подальше, — у избы Скрада.

Нынче Ветлая здесь появлялась нечасто. Кабы успел милый посвататься прежде, чем уехал, это одно, а так... Кем постучится она в дверь? Не женой, не подругой. Девкой прилипчивой, да и только. И к кому стучать?

* Поршни — простейшая кожаная обувь.

Милого нет, остались дома мать да братец старший. И этот-то братец Ветлу невзлюбил с тех самых пор, как впервые встретил. Извечно суровый да насупленный, злющий, словно ворон на погосте, Радим был чёрен оттого, что все время проводил в кузне, и под слоем сажи уже было не разобрать ни цвета волос, ни лица его. Когда же младшенький любимец уехал на заработки, Радим совсем потемнел. Словно самая душа его нырнула в тень от горя. И коли случалась у Ветлы надобность в кузнеце, она всячески старалась не сама идти, а отправить товарку или попросить тятю.

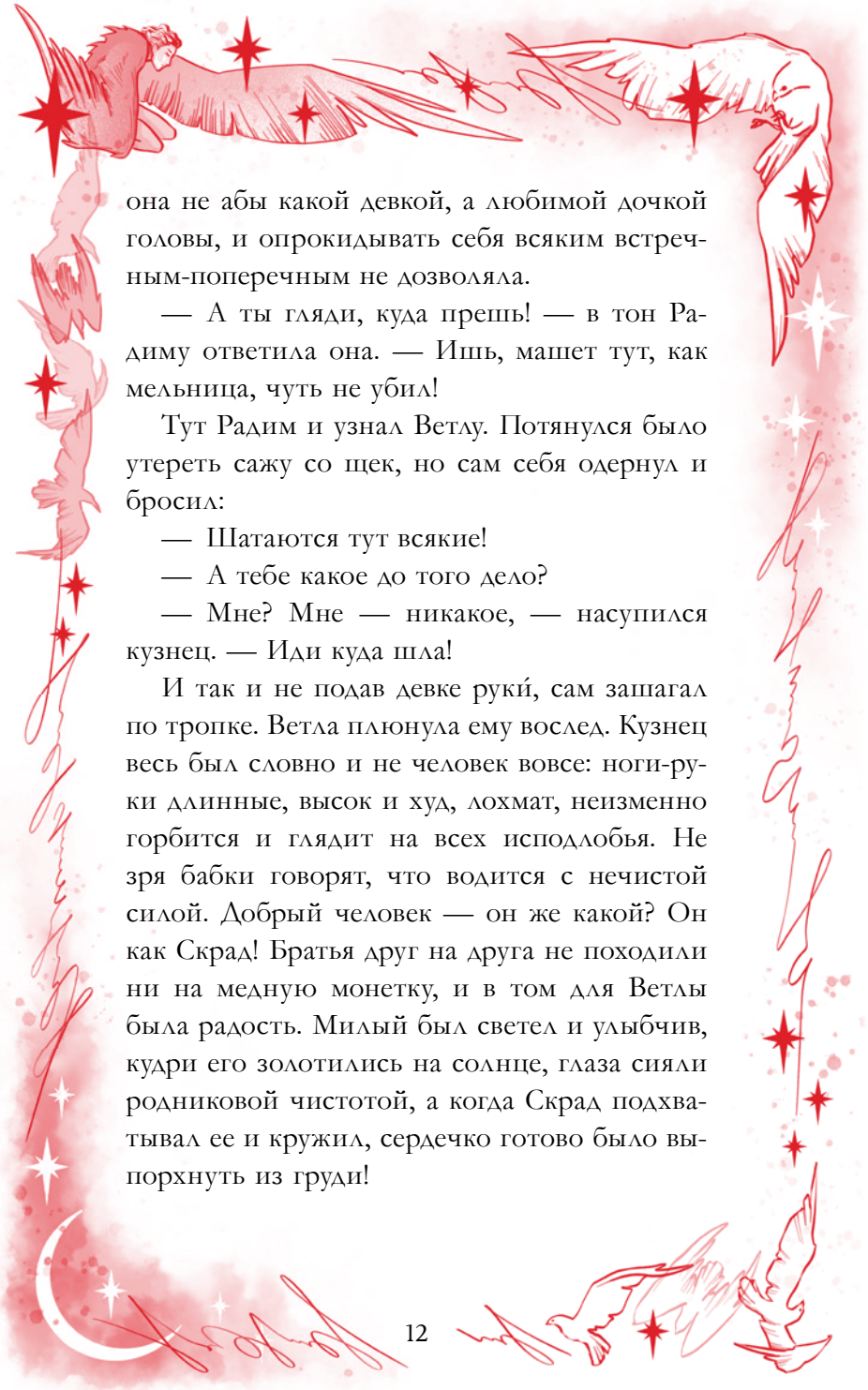
Ветла подумала, что надобно поскорее убраться прочь, как вдруг дверь избы распахнулась, и из нее выскочил не то человек, не то в самом деле нечистик. Взлохмаченный, чумазый, он размахивал длинными руками и бранился на чем свет:

— ...чтобы и думать забыла! — кричал он. — Ты эти шутки брось!

Резко поворотился да и сшиб девку железным плечом! Ветлая покачнулась и села в снег. Радим же грозно рявкнул:

— Кто тут на дороге стоит?! Ну?!

Наперво Ветле захотелось сжаться в комочек, так страшен был кузнец! Но все ж была

она не абы какой девкой, а любимой дочкой головы, и опрокидывать себя всяким встречным-поперечным не позволяла.

— А ты гляди, куда прешь! — в тон Радиму ответила она. — Ишь, машет тут, как мельница, чуть не убил!

Тут Радим и узнал Ветлу. Потянулся было утереть сажу со щек, но сам себя одернул и бросил:

— Шатаются тут всякие!

— А тебе какое до того дело?

— Мне? Мне — никакого, — насупился кузнец. — Иди куда шла!

И так и не подав девке руки, сам запагал по тропке. Ветла плюнула ему вслед. Кузнец весь был словно и не человек вовсе: ноги-руки длинные, высок и худ, лохмат, неизменно горбится и глядит на всех исподлобья. Не зря бабки говорят, что водится с нечистой силой. Добрый человек — он же какой? Он как Скрад! Братья друг на друга не походили ни на медную монетку, и в том для Ветлы была радость. Милый был светел и улыбчив, кудри его золотились на солнце, глаза сияли родниковой чистотой, а когда Скрад подхватывал ее и кружил, сердечко готово было выпорхнуть из груди!

Ветла глядела, как удаляется прочь Радим, и в горле вставал ком. А тут, как назло, дверь избы распахнулась вдругорядь, и на порог вышла хозяйюшка.

— Больно я тебя спрашивать стану! — напоследок крикнула она сыну и тут только заметила гостью. — Ветлушка, ты?

Девка криво улыбнулась:

— Я, тетка Ссоха, я.

— Никак плачешь? Радим что недоброе ляпнул? Ходи ко мне, милая! Подымайся!

Ветла сцепила зубы: плакать на людях ей никак было не положено, тем паче из-за какого-то кузнеца. Потому она вытерла рукавом нос, пощипала и без того румяные от мороза щечки и вошла.

Здесь надобно особо сказать про вдову. Была Ссоха не сказать что на диво приглядна, но так ловка, шустра и проворна, что ни у кого язык бы не повернулся сказать, будто она не красавица. Рано проводив мужа в Тень, во второй раз она убор невесты так и не надела, боги знают как в одиночку подняв сыновей. А впрочем, боги как раз и знали, а люди догадывались. Была Ссоха приветлива и улыбчива и, болтают, умела так встретить иного мужика, что опосля

